

Теплая ярость теней

DiYa

18+

Di Ya

Слепая ярость теней

<https://litres.ru/74273968>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Блэквуд-Бей туман — это не погода. Это саван, под которым город прячет свои грехи. Клэр Эшкрофт, чьи глаза навсегда остались во вчерашнем дне, считает, что её дом — кокон безопасности. Но она ошибается.

В её тишину вторгается некто, кто видит то, чего не видит она. Он присылает ей «дары» — кровавые доказательства преданности, превращая её жизнь в симфонию ужаса. Он уверяет, что он — её единственный защитник, её тень и её спаситель. Но чем ближе он подбирается, тем отчетливее становится вопрос: что страшнее — ослепляющая тьма снаружи или рука, которая гладит тебя по волосам, пока ты спишь? В городе, где даже эхо боится собственного звука, цена выживания — полная потеря себя.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	20
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	29
Глава 7	38
Глава 8	41
Глава 9	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Di Ya

Слепая ярость теней

Глава 1

Воздух снаружи был липким. Он пах гниющими водорослями, солью и чем-то еще, что я не могла определить — возможно, самым страхом, который, казалось, пропитал здесь каждую доску. Мои пальцы, сухие и холодные, вцепились в края дверного проема. Я сделала шаг. Пол под ногами сменился на влажный гравий. Туман был не просто погодным явлением, он был живым существом. Он обволакивал лицо, забивался в ноздри, мешая дышать. Я знала, что почтовый ящик всего в нескольких метрах слева от крыльца, но сегодня расстояние казалось бесконечным. Мир сжался до пятна серой мути, в котором плавали лишь призрачные тени моих собственных рук. Я вытянула ладони вперед, ожидая привычной шероховатости почтового ящика, но пустота была ответом.

Шаг. Еще один. Ветер с океана ударил в лицо, принес с собой отдаленный гул прибоя. Я не понимала, где право, где лево. Мои ноги зацепились за край неровной каменной кладки, которую я, очевидно, не учла, и я полетела вниз. Ко-

лени врезались в жесткий, острый гравий. Боль была острой, пронзительной, она заставила меня вскрикнуть, но звук утонул в сыром мареве. Я задыхалась. Мои пальцы судорожно искали опору, царапали холодный камень, пока наконец не нащупали знакомый деревянный выступ крыльца. Я вцепилась в него, как утопающий в обломок мачты. Дрожа от холода, я поползла на звук собственного дыхания, пока плечо не уперлось в дверь. Внутри дома пахло чаем и книжной пылью. Я заперла дверь на все засовы, прислонилась спиной к дереву и сползла на пол. Мое сердце колотилось где-то в горле.

Тишину нарушил стук. Громкий, тяжелый, ритмичный. Я вздрогнула, едва не вскрикнув от ужаса, охватившего меня при звуке ударов по дереву.

— Клэр, это шериф. Открывай, — голос был низким, пропитанным табаком и безразличием.

Я дрожащими руками отодвинула щеколду. В проеме показалась массивная фигура. От него пахло сырой кожей и дешевым одеколоном.

— Опять ты заперлась? — он вошел без приглашения, его тяжелые сапоги гулко ударили по полу. — Ты хоть понимаешь, как это выглядит для соседей?

— Там кто-то был, — мой голос сорвался, прозвучав жалко и тонко в тишине дома. — Я слышала шаги. В тумане. Кто-то постоянно следит за мной. Пожалуйста, посмотрите вокруг.

Шериф тяжело вздохнул, и этот звук показался мне пощечиной. Он подошел ближе, я почувствовала жар его тела, контрастирующий с моим ледяным страхом.

— Клэр, дорогая, посмотри на себя, — он произнес это с мерзкой, снисходительной жалостью. — Ты сама не своя. Твоя травма... ну, глаза. Это же тяжело. Ты переутомляешься, воображение играет злые шутки. Этот туман кого угодно сведет с ума, если сидеть одной в темноте.

— Нет, это не воображение, — я попыталась нащупать его руку, чтобы убедить, но он отступил.

— Меньше пей своего чая с пустырником и побольше спи, — отрезал он, уже направляясь к выходу. — Здесь Блэквуд-Бей. Тут никто не ходит по чужим дворам, у людей есть свои дела. Не выдумывай угроз там, где их нет.

Дверь захлопнулась с тяжелым, окончательным стуком. Я осталась в полной тишине.

Спустя какое то время, я вышла на крыльцо, надеясь, что морская соль смоет привкус страха, застрявший в горле после ухода шерифа. Воздух снаружи был густым, как парное молоко. Влага оседала на коже, превращаясь в мелкий, колючий лед. Я глубоко вдохнула. Легкие обожгло сыростью. Тишина Блэквуд-Бей сегодня была особенной — тяжелой, давящей на барабанные перепонки, словно город задержал дыхание.

Вдруг пространство изменилось.

Я не видела его, но почувствовала. Воздух вокруг меня

внезапно уплотнился, сменив морскую свежесть на запах чужого парфюма — тяжелого, табачного, с нотками жженого железа. Волоски на затылке встали дыбом. Каждая клетка кожи вопила об опасности. Я попыталась развернуться, но не успела.

Тяжелые, широкие ладони опустились мне на плечи. Они были твердыми, как гранитные плиты. Кожа под пальцами чужака мгновенно онемела.

— Клэр, — голос прозвучал прямо над ухом. Вкрадчивый, вязкий, как деготь.

Я рванулась вперед, в пустоту тумана, но хватка лишь усилилась. Мои пальцы судорожно вцепились в его предплечья — мускулы под одеждой были стальными. Я закричала, но звук утонул в шуме прибоя. Истерика накрыла меня, как темная волна.

— Отпусти! Пожалуйста! — мой голос сорвался на визг.

Он не ответил. Я чувствовала, как он вдыхает запах моих волос. Его дыхание было горячим, прерывистым, почти болезненным. Каждое движение его тела было пропитано такой жуткой, собственнической нежностью, что у меня перехватило дыхание. Я колотила его кулаками, пытаюсь нащупать глаза, лицо, хоть что-то, но мои удары лишь тонули в его массивной груди.

Мир сузился до боли.

Он прижал меня к стене дома. Дерево впилося в лопатки. Его пальцы, холодные и властные, грубо вторглись в мое

личное пространство. Я чувствовала себя сломанной куклой. Каждое его движение было выверенным, как работа хирурга, отсекающего всё лишнее. Я задыхалась от ужаса и бессилия, чувствуя себя абсолютно беззащитной перед этой странной, извращенной преданностью.

Когда всё закончилось, он на мгновение замер. Я слышала, как он жадно втягивает носом воздух, наслаждаясь моим страданием. Затем последовало странное, влажное шуршание — он вдохнул аромат своих пальцев.

Тишина вернулась.

Я обмякла на холодном полу крыльца. Слух обострился до предела, вылавливая малейшие колебания воздуха. Ни звука. Он исчез так же быстро, как и появился, растворившись в серой мгле Блэквуд-Бей. Я дрожала всем телом, обхватив себя руками, пытаюсь стереть следы его прикосновений.

Мои пальцы дрожали, когда я набирала номер участка.

— Помогите, — прошептала я, когда на том конце ответили. — Он здесь. Он был здесь.

Через бесконечно долгие минуты в тишине дома послышались торопливые шаги. Тяжелые ботинки стучали по гравию. Полиция. Я сжалась в комок, не в силах сдвинуться с места, пока мужские голоса заполняли пространство.

— Опять она, — послышалось в дверях. — Детектив, здесь ничего нет. Просто туман и её паранойя.

Голоса удалялись, но вдруг всё стихло. Слышалось только тяжелое дыхание и шорох ткани.

— Посмотрите, — пробасил другой голос, в котором сквозила странная хрипотца. — В косяке.

Я слышала, как металл скреб по дереву.

— Что это? — спросил первый.

— Записка, — ответил детектив. Его голос звучал глухо, словно он читал в пустоту. — "Не нужно лезть туда, куда вам закрыта дорога, детектив".

Я закрыла лицо руками и тихо заскулила.

Дверь закрылась. Замки щелкнули один за другим — раз, два, три. Я осталась внутри, но внутри ли? Воздух в доме казался тяжелым, перенасыщенным чужим присутствием. Я стояла, вжавшись лопатками в холодное дерево, слушая, как удаляются шаги полицейских. Сначала гулкие удары сапог по гравию, потом — тишина. Настоящая, липкая тишина Блэквуд-Бей, сквозь которую пробивался лишь далекий, безучастный шум океана.

Я медленно протянула руку к косяку. Пальцы нашли щель, оставленную ножом или чем-то острым. Там, в узкой прорези, осталась царапина на лакированном дереве. Мои подушечки дрожали, касаясь этой раны на доме. Я видела только серые пятна, тени, которые смещались, стоило мне повернуть голову. Но здесь, в узком коридоре, даже тени казались густыми, почти осязаемыми.

— Чего ты хочешь? — прошептала я. Голос прозвучал хрипло, испуганно, как у призрака.

Ответа не было. Только мой собственный пульс, стуча-

щий в висках. Я начала движение. Руки, как радары, скользили по обоям. Шершавая текстура старого винила, трещина, знакомая до каждого миллиметра. Я должна была проверить всё. Каждую комнату, каждый угол. Я шла, почти не дыша, прислушиваясь к скрипу половиц под собственными ногами. Каждый звук извне — треск сухой ветки, удар волны о берег, шелест тумана в щелях окон — отдавался в груди глухим, болезненным ударом.

В гостиной всё было иначе. Я чувствовала это по изменению температуры: здесь было холоднее. Я сделала шаг, другой, пытаюсь уловить малейшее колебание воздуха, которое выдало бы чужака. Моё бедро задело что-то твердое, холодное. Ваза. Она качнулась, и в следующее мгновение — грохот. Осколки разлетелись по полу, острый звук разбитого стекла ударил по ушам, как выстрел в закрытом пространстве.

Я вскрикнула, присела, обхватив голову руками. Мои колени уперлись в грудь. Я сжалась в самый темный угол, пытаюсь стать меньше, незаметнее. Стекло впивалось в кожу через тонкую ткань домашних штанов. Я не двигалась. Я ждала, что кто-то выйдет из темноты, что чьи-то руки сомкнутся на моей шее, что этот кошмар наконец станет явным, а не призрачным.

Я попыталась вспомнить лицо бывшего парня. Но перед глазами всплывали лишь расплывчатые, тошнотворные пятна. Кислота выжгла не только зрение, она выжгла саму па-

мать о его чертах. Теперь я не могла отличить его от того, кто пришел сегодня. Они слились в одного серого монстра, чье дыхание я чувствовала на своей коже.

Я вскочила. Мысли метались, как раненая птица. Нужно всё изменить. Я начала двигать кресло. Оно скрежетало по паркету, оставляя глубокие царапины. Перетащила стол и с трудом сдвинула книжный шкаф. Мои ногти были сорваны до крови, ладони горели от мозолей, но я не останавливалась. Я создавала лабиринт из собственного дома.

— Тебе не найти меня, если я сама не знаю, где я, — шептала я в пустоту, тяжело дыша. Мой пот смешивался с пылью. Воздух в комнате стал густым, тяжелым, пропитанным отчаянием.

Я обессиленно опустилась на пол, среди переставленных вещей. Океан за окном продолжал свою бесконечную песню, равнодушный к моему безумию. Я ждала и знала, что этот хаос не спасет меня. Это лишь ожидание следующего сигнала. Он придет снова.

Я сижу в эпицентре созданного мной хаоса. Вокруг — выступы углов, края тяжелых полок, баррикады из перевернутых кресел. Мои руки ободраны до мяса, под ногтями запеклась кровь. Здесь, внутри этого искусственного лабиринта, я должна была стать невидимой. Но тишина, которую я так старательно охраняла, теперь кажется мне ловушкой. Она не защищает. Она дышит мне в затылок. Я прижала колени к подбородку, пытаюсь стать меньше, превратиться в точку, в

пылинку, которую невозможно нащупать в темноте.

Скрежет.

Звук донесся из-за стены. Он был сухим, протяжным — словно лезвие ножа медленно, с наслаждением вскрывало обои. Или саму обшивку дома. Этот звук прошел сквозь меня, как электрический разряд, заставив кожу покрыться липким холодным потом. Он здесь. Он не снаружи. Он внутри этих стен, как паразит, проросший в саму архитектуру моего убежища.

— Зачем? — прошептала я в пустоту.

Голос звучал жалко, надломлено. Я сама не знала, к кому обращаюсь. К богу? К той части себя, которая всё еще верила в безопасность?

Снаружи взвыл океан. Прибой сегодня особенно яростен, он бьет в берег, как гигант, желающий стереть Блэквуд-Бей с лица земли. Шум прибоя перекрыл мои всхлипы. Я плакала беззвучно, чувствуя, как соленые капли ползут по щекам, смешиваясь с грязью, которой я испачкала лицо, двигая мебель. Мои чувства обострены до предела. Я слышу, как в камине оседает зола. Я слышу, как дрожит стекло в рамках от порывов ветра. Но важнее всего то, чего я не слышу — нормального, человеческого дыхания. Вместо него — лишь гнетущее ощущение чужого присутствия, которое давит на барабанные перепонки сильнее, чем сам прибой.

Шкафы не помогли. Перестановка — лишь иллюзия контроля. Я металась по дому, как загнанный зверь в клетке, а он

наблюдал. Я чувствовала его взгляд — холодный, тяжелый, припиленный к моей спине, как булавка к крылу бабочки. Он не торопится. Он смакует каждый мой шаг, каждую судорожную попытку спрятаться. Для него этот лабиринт — лишь забавная декорация.

Половица под моей спиной качнулась.

Скрип.

Короткий, едва слышный, но в этой мертвой тишине он прозвучал как выстрел. Кто-то стоял прямо за моей спиной. Совсем близко. Я почувствовала запах — тот самый, табачно-металлический, перемешанный с влажной сыростью морского тумана. Он был здесь.

Я замерла, боясь вдохнуть.

Сердце колотилось в горле, перекрывая звук моих собственных мыслей. Я знала: если я пошевелюсь, это всё закончится. Или только начнется. Его присутствие стало почти осязаемым — незримый жар, исходящий от огромного тела, которое закрывало собой весь воздух.

— Клэр, — его шепот коснулся моего уха.

Он был таким близким, что я чувствовала вибрацию его грудной клетки в воздухе. В этом звуке не было злобы. В нем была жуткая, искаженная нежность, от которой внутри меня всё сжималось в ледяной комок.

Я закрыла глаза, хотя это не имело смысла, и крепко зажмурилась.

— Пожалуйста, уходи — выдохнула я, чувствуя, как его

рука медленно тянется к моим волосам.

Его пальцы были сухими и жесткими, они зарылись в мои пряди с пугающей собственнической бережностью. Я не посмела вскрикнуть. Я только сильнее вжала подбородок в колени, чувствуя себя абсолютно раздавленной. Блэквуд-Бей снаружи равнодушно продолжал разрушать берег, а внутри дома начался мой персональный ад, в котором единственным ориентиром была его рука, медленно поглаживающая меня по затылку.

— Я вернусь к тебе — тихо прошептал незнакомец и нежно провел языком по моему уху.

Туман. Он везде. Он просачивается сквозь щели оконных рам, как холодное, живое дыхание, оседая на мебели липким налетом влаги. Я сижу на ковре, прижавшись спиной к тяжелой ножке дивана, и чувствую, как пол вибрирует от ударов океанских волн. Где-то там, совсем близко, за стеной из мокрого дерева и тонкого стекла, он стоит. Я не вижу его, но чувствую, как разреженная атмосфера в комнате сгущается, приобретая тяжелый, металлический привкус табака и сырой стали. Он смотрит. Я кожей ощущаю этот взгляд, припиленный к моему затылку, точно длинная, холодная игла.

— Ты здесь, — шепчу я, и мой голос тонет в шуршании прибоя.

Мои руки, исцарапанные, грязные, нервно перебирают ворс ковра. Я ищу закономерности в темноте. Шаг. Еще шаг. Скрип половицы — именно той, третьей от порога. Это не я.

Я сижу неподвижно, боясь даже выдохнуть. Значит, он движется? Или это просто дом, сходящий с ума от влаги и времени, имитирует его шаги? Его дыхание, то самое, которое я чувствовала на своей коже, теперь кажется звуком самого Блэквуд-Бей. Оно в ритме прибоя. Оно в гуле ветра в печной трубе. Он растворился в этом городе, стал его частью, чтобы поглотить меня без остатка.

Я тянусь к стене, ощупывая обои. Пальцы находят знакомую трещину, но сейчас она кажется острее, глубже. Я вспоминаю, как он касался моих волос — жестко, властно, будто присваивая то, что осталось от моей красоты. Его пальцы были сухими и невероятно сильными. Теперь я боюсь каждого случайного прикосновения к мебели. Вдруг это не край стола? Вдруг это его рука, застывшая в ожидании, пока я сама наткнусь на неё в темноте?

Поднимаюсь, ориентируясь на осязание. Пальцы скользят по поверхности комода, натыкаясь на холодную, шершавую статуэтку. Я вздрагиваю, отдергивая руку, будто обожглась. Всё вокруг стало чужим, враждебным. Этот дом перестал быть моим. Теперь это его декорация, его лабиринт, где я лишь живая игрушка, методично теряющая остатки реальности.

Он там. За порогом. Я слышу, как он задерживает дыхание, подстраиваясь под мой пульс. Это пугает больше, чем любой крик.

Глава 2

Рассвет в Блэквуд-Бей не приносит света. Это лишь смена одного оттенка серого на другой, более густой и липкий. Я проснулась от того, что холод пробрался под одеяло, пропитав всё до самых костей. Мой дом, мой перестроенный лабиринт, больше не казался убежищем. Он был клеткой, где каждый предмет стоял не на своем месте, ожидая, когда я наткнусь на него в темноте.

Мне нужно было выйти. Воздух в спальне стал спертый, тяжелым от страха, который я выдыхала всю ночь. Я двигалась вдоль стены, касаясь пальцами обоев. Текстура бумаги под подушечками казалась неестественной, словно кожа, сброшенная змеей. Каждый шаг отдавался глухим стуком в полу, пугая меня саму.

Дверь поддавалась неохотно. Сырость тут же бросилась в лицо, оседая на ресницах колючей ледяной пылью. Я сделала вдох, стараясь унять дрожь в руках. Океан сегодня бушевал — гул прибоя превратился в низкий рокот, от которого вибрировала грудная клетка.

Шаг на крыльцо. Дерево под ногой предательски скрипнуло. Я замерла, вслушиваясь в тишину города. Только ветер и шум волн. Ничего больше.

Мои руки потянулись вперед, ища опору. Я привыкла проверять крыльцо каждое утро. Сначала перила — влаж-

ные, покрытые налетом соли. Затем край ступеньки. И вдруг — пустота, сменившаяся чем-то чужеродным.

На полу, прямо перед дверью, лежало что-то тяжелое. Коробка из промокшего картона, разбухшего от влаги. От неё исходил удушливый, липкий аромат — смесь морской соли, разлагающейся плоти и густой, запекшейся крови. Это был запах самой смерти, пробившийся сквозь холодный туман Блэквуд-Бей.

Мое сердце пропустило удар, а затем забилося в агонии, колотясь о ребра.

Я не хотела касаться её. Но мои пальцы, словно живя собственной жизнью, уже впились в край промокшего картона. Крышка подалась легко. Внутри что-то лежало — холодное, тяжелое и влажное.

Я опустила руку внутрь. Пальцы сразу утонули в чем-то склизком и холодном. Под слоем слизи я нащупала нечто грубое, покрытое жесткими волосками — лоскут кожи, срезаный небрежно, рваными краями. Мои подушечки, дрожа от ужаса, наткнулись на знакомый шрам от старого пореза. Кожа была вялой, податливой, как испорченное мясо.

Это был он.

Мир вокруг меня взорвался. Я не смогла сдержать крик — долгий, истощный вопль, который вырвался из горла, словно ржавый нож. Истерика накрыла меня, как ледяная вода. Я отшвырнула коробку, но остатки её содержимого прилипли к пальцам. Я трясла руками, скребла ногтями по дереву

крыльца, пытаюсь стереть этот запах, эту проклятую память, эту осязаемую реальность.

— Нет! — закричала я, вцепившись в телефон. Когда приехала полиция, я почти не помнила, как добралась до трубки. Голос офицера был сухим, как старая бумага, и абсолютно лишенным сочувствия. — Успокойтесь, мисс. Вы принесли это в дом? Не трогайте улики, — его шаги по крыльцу звучали как удары молота. — Стандартная процедура. Мы заберем образец на экспертизу. Ничего личного, просто работа.

Я колотила себя по бедрам, пытаюсь выбить из памяти ощущение того шрама. Мой разум трещал по швам. Тот, кто обещал вечную любовь, теперь был здесь — фрагментами, кусками, холодными подарками. Я видела его перед собой — не в красках, а в серых, пульсирующих пятнах, которые теперь сливались с самой тьмой моего мира.

Я рыдала, прижимаясь лбом к холодному дверному косяку, пока снаружи гудели двигатели патрульной машины. Полицейский забрал коробку, даже не взглянув на меня, словно я была лишь досадной помехой в его смене. Мир вокруг казался серым, пульсирующим пятном. Его присутствие осталось на моих руках, впиталось в поры кожи вместе с этим тошнотворным запахом распада. Я больше не знала, кто я, и существовало ли вообще что-то, кроме этой бесконечной тьмы и его кровавых посланий.

Глава 3

Холод керамики. Я знала каждый скол на этих чашках, каждый миллиметр их шершавого дна. Мои пальцы тянулись к полке, привычно нащупывая знакомый хаос: любимая кружка с трещинкой чуть правее, тяжелая чайная пара — у самого края. Но сегодня пальцы наткнулись на пустоту.

Я замерла. Сердце ударило в ребра — резкий, болезненный толчок, от которого перехватило дыхание. Я вытянула руку дальше, стараясь не задеть ничего лишнего.

Пальцы встретили препятствие. Снова керамика.

Но это была не та, старая, привычная мне расстановка. Все чашки стояли в ряд, идеально ровно, словно солдаты на плацу. Между ними были равные промежутки — пугающая, геометрически выверенная тишина.

— Нет, — выдохнула я. Звук собственного голоса показался мне чужим, ломким.

Я начала лихорадочно перебирать их. Осязание подводило меня, превращая мир в набор ледяных, одинаковых цилиндров. Они стояли так, как никогда не стояли в моем доме. Никто не ставил их так. Я не ставила их так.

Мои ладони вспотели. Влага липла к коже, делая каждое движение неуверенным. Я судорожно схватила одну из чашек — холодную, гладкую, совершенную — и тут же отставила её в сторону.

Это был не мой дом. Это был музей моего страха.

Я отступила на шаг, но тут же наткнулась на край стола. Он был подвинут. Я чувствовала это спиной: привычная дистанция между плитой и обеденной зоной исчезла, пространство сжалось, превращая кухню в узкий пенал.

Кто-то здесь был. Кто-то, кто дышал моим воздухом, кто касался моих вещей, кто переставлял их, пока я задыхалась от ужаса в спальне.

Голова пошла кругом. Я видела только серые пятна, сгущающиеся в углах, превращающиеся в очертания высокой фигуры. Он был здесь. Он смотрел.

— Выходи, — прошептала я, сжимая кулаки так сильно, что ногти вонзились в ладони. — Покажись мне.

Тишина ответила мне глухим рокотом океана. Блэквуд-Бей за окном продолжал свою бесконечную, давящую симфонию. Шум прибоя проникал сквозь стены, смываясь с сырым запахом соли и чем-то еще — сладковатым, металлическим, от которого к горлу подступала тошнота.

Я осела на пол. Холод линолеума пробрался сквозь одежду, остужая кожу. Я обхватила себя руками, пытаюсь удержать остатки рассудка. Если я не могу доверять своему дому, где мне искать спасения?

Каждый шорох за окном — скрип старой калитки, удар капли о стекло — казался мне доказательством. Он наблюдает. Он ждет, когда я окончательно сломаюсь, когда я перестану сопротивляться его невидимой, стальной руке.

Я не знала, сколько времени прошло. Может, минуты, а может — часы. Я сидела в центре своей бывшей кухни, окруженная призрачной симметрией чужого порядка, и слушала, как где-то за стеной, в глубине дома, тихо, едва слышно скрипнула половица.

Скрип.

Еще один.

Я затаила дыхание. Сердце бешено колотилось в горле. Он был рядом. В моем доме. Мой невидимый палач.

Глава 4

Скрип. Снова этот звук. Сухой, надтреснутый стон дерева под чужим весом. Я замерла, вжимаясь лопатками в ледяную стену коридора. Каждое волокно моего тела превратилось в оголенный нерв. Я слышала, как он дышит. Глубоко, мерно, без тени сомнения. Этот ритм был не моим. Это был звук хищника, который точно знает, что добыча не уйдет.

— Клэр, — его голос обволакивал, просачиваясь в уши, как вязкая смола. Он был совсем близко, так близко, что я чувствовала тепло его тела, исходящее волнами в промозглом воздухе дома.

Я не успела среагировать. Его ладони — тяжелые, грубые, пахнущие дождем и жженым железом — сомкнулись на моих плечах. Я дернулась, пытаюсь выскользнуть, но пальцы незнакомца впились в ткань моей футболки, натягивая её до треска швов. Ткань лопнула. Я почувствовала, как холодный воздух ударил в кожу, пока он методично, почти механически, избавлял меня от одежды.

Наклонившись, он сначала облизал, а потом прикусил мой сосок.

— Нет! — я взвизгнула, пытаюсь вырваться, вкладывая в движения всю свою слепую ярость. — Уйди! Пожалуйста, просто уйди!

Он проигнорировал мой крик. Его руки, неумолимые, как

поршни машины, продолжали свою работу. Я извивалась, ударяя локтями в пустоту, пока не наткнулась на твердую преграду его груди. В приступе животной паники я подалась вперед и впилась зубами в его плечо. Ткань, кожа, соленый привкус крови. Я кусала, пока не почувствовала резкую, ослепляющую вспышку боли в челюсти.

Удар был коротким и сокрушительным. Голова дернулась, во рту разлился металлический вкус. Я пошатнулась, теряя опору, но его руки тут же перехватили меня, прижимая к себе с такой силой, что ребра начали жалобно ныть.

— Тише, — прошептал он, и в этом звуке не было угрозы, только пугающая, болезненная собственническая ласка.

Он приник к моим губам. Это был не поцелуй — это было вторжение. Грубое, лишённое нежности, оно выбивало из легких остатки воздуха. Я чувствовала его щетину, царапавшую кожу, и тяжесть его тела, подавлявшую любую попытку сопротивления. Я была заперта в этом объятии, как птица в клетке, чьи прутья раскалились на огне. Мои руки беспомощно скребли его спину, но он даже не дрогнул.

Секунда — и всё прекратилось.

Его хватка исчезла так же внезапно, как и возникла. Воздух в комнате словно просел, становясь еще более разряженным. Я осталась стоять одна в центре темноты, тяжело дыша, ощущая, как холодный пот стекает по позвоночнику. Тишина вернулась, на этот раз абсолютная, тяжелая, как свинцовый саван.

Мои руки дрожали, когда я попыталась нащупать края разорванной одежды. Пальцы натыкались лишь на пустоту.

Глава 5

Холод просочился сквозь стены. Он был повсюду — липкий, морской, пропитанный солью и гнилью. Мои руки тряслись, когда я снова нащупала этот тяжелый сверток на пороге. Снова. Опять. Узлы на грубой бумаге впивались в подушечки пальцев, оставляя следы, но я не могла остановиться. Внутри было нечто влажное, что-то, что когда-то было частью того, кто лишил меня мира. Я отшвырнула посылку. Звук глухого удара о дерево крыльца отозвался эхом в моей черепной коробке.

— Нет! Помогите! — мой голос сорвался на хрип. Я бросилась в сторону улицы, спотыкаясь о неровные камни, пока не врезалась в чью-то плотную, холодную форму. Полиция. Я чувствовала запах их форменной ткани — дешевый табак, оружейная смазка и безразличие.

— Клэр? Вы опять? — голос офицера был сухим, лишенным искры. Они забрали коробку, их ботинки тяжело чавкали по размокшему гравию. Я стояла, обхватив себя руками, чувствуя, как дождь смешивается со слезами на моих щеках.

— Он был там, — прошептала я, дрожа. — Он всегда рядом. Пожалуйста, сделайте что-нибудь.

— Мы усилим патрулирование, Клэр. Заприте все двери. Не выходите до рассвета, — их слова казались пустыми звуками, рассеивающимися в тумане. Уезжающая машина оста-

вила после себя лишь тяжелый гул прибоя и осознание того, что я осталась одна.

Ночь наступила незаметно. Она не спустилась с небес, она просочилась из углов комнаты. Я забаррикадировала дверь шкафом, но каждый предмет в комнате словно сместился. Ощущение пространства стало чужим, враждебным. Я легла в кровать, вжимаясь в матрас, пытаюсь стать тоньше, стать невидимой. Холод простыней пробирал до костей. Я закрыла глаза, хотя это не имело смысла, и прислушалась.

Тишина. Блэквуд-Бей замер, затаив дыхание. И вдруг — звук.

Это не был шум ветра. Это было тяжелое, размеренное дыхание, раздающееся прямо у моего изголовья. Кто-то стоял так близко, что я чувствовала движение воздуха от его грудной клетки. Мои легкие сжались. Я не могла вдохнуть, не могла даже вздрогнуть.

— Полиция, Клэр? — голос прозвучал низко, бархатисто, с той самой вкрадчивой угрозой, от которой по позвоночнику побежал лед. — Ты правда думала, что они станут стеной между нами?

Я хотела закричать, но пальцы, мозолистые и жесткие, с силой прижали меня к кровати. Я почувствовала, как к горлу приставили нечто острое. Сталь. Холодная, безжалостная, она слегка надавила на кожу. Я замерла, боясь, что малейшее движение приведет к концу.

— Они всего лишь люди, — продолжал он, и я ощутила

его дыхание на своей щеке. — Они не знают, что значит быть преданным. Они не знают, как правильно защищать то, что принадлежит мне.

Острие ножа прочертило линию по моей шее, едва не царапая кожу. Я чувствовала каждое микродвижение его руки. Он не торопился. Он наслаждался моим параличом, моей беспомощностью, моим ужасом, который стал для него единственной правдой. Моя воля начала крошиться, как старая штукатурка в этом проклятом доме.

— Ты больше не принадлежишь этому городу, — прошептал он, и его рука легла мне на лицо, закрывая рот ладонью. — Ты принадлежишь только мне. И я буду возвращать тебя по кусочкам, пока от твоего страха не останется ничего, кроме тишины.

Я больше не сопротивлялась. В этой темноте, под его стальной, я осознала свою истину: я была лишь предметом, вещью, которую он выбрал для своего личного, кровавого рая. Мои руки безвольно упали на кровать, и я закрыла глаза, отдаваясь на волю той тьмы, что теперь полностью заполнила мою жизнь.

Глава 6

Мои пальцы сдирали кожу до мяса, цепляясь за острые углы дубового комода. Тяжелый. Неповоротливый. Я толкала его всем телом, чувствуя, как внутри что-то надрывается от натуги. Дерево стонало, скребя по полу. Каждый сантиметр давался ценой невероятных усилий, превращаясь в мучительный танец с неподатливой материей. Я должна была это сделать. Я должна была запереться.

— Почти. Еще немного, — хрипела я, вжимаясь плечом в холодную поверхность.

Наконец, глухой удар сотряс стены. Комод встал в дверной проем, надежно, как мне казалось, отрезая спальню от остального мира. Я без сил сползла на пол, тяжело дыша. Воздух в комнате казался густым, пропитанным пылью и страхом. Я была в безопасности. Или нет?

— Ты правда думаешь, что дерево способно удержать то, что уже стало частью твоей тени? — голос прозвучал совсем рядом. Не из коридора. Из самого угла спальни.

Я вздрогнула, пытаясь вжаться в щель между стеной и кроватью. Сердце колотилось в горле, словно птица в клетке.

— Не самый удачный выбор мебели, Клэр. Старый дуб, конечно, прочен, но он так ужасно скрипит. Ты слишком предсказуема в своем отчаянии.

Он вышел из темноты. Я чувствовала его присутствие по

смещению холодного воздуха, по запаху — смесь сырого табака, соли и чего-то острого, металлического. Он не трогал меня, он просто стоял, наслаждаясь моим параличом.

— Кто ты? — прошептала я, надеясь, что мой голос не звучит так же жалко, как я себя чувствовала. — Как тебя зовут?

— Сайлас, — произнес он, и это имя отозвалось вибрацией где-то в моих костях. — Имя здесь не имеет значения. Имеет значение только то, что ты позволишь мне сделать с тобой дальше.

Его рука легла на мое плечо — тяжелая, властная. Он рывком поднял меня на ноги. Я пошатнулась, едва не упав, но он удержал меня, притягивая к своей груди. Его ладонь была горячей через тонкую ткань моей одежды.

— Иди. На кухню. Сейчас.

Я подчинилась, ведомая его хваткой, как марионетка на невидимых нитях. На кухне было непривычно тихо. Он усадил меня на жесткий стул. Я слышала, как он начал хозяйничать. Звон ножа о доску. Скрежет крышки консервной банки. Он готовил что-то, и запах еды, обычно вызывавший аппетит, теперь вызывал только тошноту.

— Ешь, — приказал он, ставя тарелку передо мной.

— Я не хочу, — выдавила я, сжимая кулаки под столом.

— Клэр, — он подошел ближе, его пальцы коснулись моего подбородка, заставляя поднять голову. — Твой офицер полиции... Тот милый парень, что вчера пытался обещать те-

бе защиту. Ты ведь хочешь знать, как у него дела?

Мое дыхание перехватило.

— Он сейчас в Блэквуд-Бей, заезжает в крутой поворот у обрыва. Дождь делает дорогу скользкой, почти невидимой. Одно движение руля — и он полетит вниз, в холодную воду, где никто не услышит его криков.

Я замерла. Мир вокруг схлопнулся до размеров этой кухни, до очертаний его лица, которое я не видела, но чувствовала как угрозу.

— Если ты съешь это, он доедет до участка, — его голос стал вкрадчивым, почти нежным. — Если нет — мне придется внести коррективы в его маршрут.

Я дрожала. Я понимала: это ловушка, это манипуляция, это насилие. Но жизнь того человека...

Он поднес к моим губам бокал вина. Я чувствовала, как жидкость холодит кожу.

— Пей.

Я сделала глоток, сглатывая вместе с вином горечь собственного поражения. Часть вина пролилась на мою губу. Сайлас наклонился, его дыхание опалило мое лицо. Он медленно провел языком по моим губам, слизывая остатки вина. Это был акт унижения, возведенный в ранг заботы.

— Вот так, — прошептал он, и в его голосе слышалось странное удовлетворение. — Видишь, как просто стать послушной? Это и есть настоящая любовь, Клэр. Моя забота о тебе и твоя покорность мне.

Вино пахло слишком сладко, почти приторно. Клэр покачала бокал, чувствуя, как жидкость касается края, и пыталась уловить в голосе Сайласа хоть каплю прежнего тепла. Но там была только пустота.

Он вдруг замер, и она услышала, как у него сбилось дыхание — короткий, рваный вдох, как от удара. Потом он резко отодвинулся, задев стул; тот проскрежетал по полу, и этот звук ударил по нервам.

В тот момент ей показалось, что кухня стала меньше, стены приблизились, а воздух сделался густым, как сироп. Она знала этот эффект: так бывает, когда кто-то рядом теряет контроль. И хуже всего было то, что она не могла понять, отступит он или сделает шаг вперёд.

— Клэр, не сопротивляйся, не кричи.

Сайлас рывком поднял меня на ноги, встал за спиной и грубо сжал мою грудь, покусывая шею. Я не шевелилась и боялась издать звук. Молилась всем богам, лишь бы всё это скорее закончилось. Пусть лучше прикончит, чем терпеть насилие. Он оттянул резинку моих штанов и запустил руку в белье. Я дернулась и вскрикнула. Левой рукой Сайлас сжал мое горло.

— Тишина, должна быть абсолютная тишина.

Он развернул меня лицом к себе и усадил на столешницу, сорвал штаны. Я осталась по пояс нагой. Развел мои ноги и

вошел пальцами.

Я снова крикнула и ударила его по лицу. Сайлас зарычал и схватил меня за горло. Я пыталась вздохнуть, но ничего не выходило. Слезы катились по моим щекам от безысходности. Когда я поняла, что он расстегнул свою ширинку и его член коснулся клитора, а затем начал медленно входить в меня, я нащупала на столе нож. Ликование. Именно это чувство я испытала, когда лягнула Сайласа ногой и резко полоснула его ножом. Я не понимала, куда попала. После удара ножом, он отпустил страдальческую шею и резко стянул меня со столешницы, ударив головой об стену.

— Теперь я не буду с тобой ласков. Ты - моя.

Закрыла глаза, пытаясь спрятаться от этой реальности, но тьма за веками оказалась лишь продолжением его воли. Я была сломлена. Каждая моя попытка вырваться только сильнее затягивала узел на моей шее. Я была вещью. Его вещью.

Стены ванной казались влажными. Я вела пальцами по кафелю, ожидая встретить привычную холодную гладь, но плитка была покрыта липким налетом. Морская соль. Она въелась во всё, превратив мой дом в солончак. Я сделала шаг, чувствуя подошвами босых ног непривычную чистоту коврика. Его кто-то выстирал. Кто-то, кто не я.

— Сайлас? — голос сорвался, потонув в утробном гуле прибоя. Океан снаружи бесновался, с каждой минутой становясь всё громче, словно пытаясь проломить стены и похоронить нас под слоем ила и битого стекла.

Я потянулась к привычному месту, где стояло зеркало. Мои пальцы встретили не гладкую поверхность, а плотную, шероховатую бумагу. Я повела ладонью дальше, вправо, влево. Везде одно и то же. Бумага. Он заклеил их. Он отрезал меня даже от этого слабого отражения теней, в которых я привыкла искать себя. Я задохнулась, чувствуя, как стены начинают сжиматься, выдавливая воздух из моих легких.

— Зачем? — прошептала я в пустоту.

Ответа не последовало, только мерный, давящий шум волн за окном. В этом шуме мне чудилось дыхание Сайласа. Оно было везде. Оно пропитало каждую вещь в моем доме, заменив мой собственный запах своим — тяжелым, острым, пахнущим сталью и сырой землей.

Я отошла от зеркала, споткнувшись о край ванны. Рядом, на полке, стояла стопка вещей. Я коснулась их. Белье, футболки, полотенца — всё идеально сложено в ровные стопки. Слишком ровные. Углы тканей кололи пальцы своей геометрической точностью. Я схватила футболку. Она была сухой, пропахшей резким, чужим стиральным порошком. Мои вещи, мои привычки, мой хаос — всё исчезло. Теперь здесь правил Сайлас. Он вычеркнул меня из моего же пространства.

На самом краю полки пальцы наткнулись на что-то маленькое и твердое. Флакон. Я взяла его в руку. Крышка поддалась с сухим щелчком. Внутри была густая, прохладная мазь с аптечным запахом, смешанным с чем-то дурманящим,

похожим на полевые цветы, собранные на кладбище.

— Это для глаз, Клэр, — голос раздался прямо за моим плечом. Я не слышала, как он вошел. Он был словно часть этого дома, растворенная в тумане и соли.

Я вздрогнула, выронив флакон. Он глухо стукнул о пол, но не разбился. Я чувствовала его присутствие — плотное, как стена. Его рука легла на мое плечо, и я замерла, боясь даже вздохнуть. Его пальцы были жесткими, холодными, властными.

— Ты слишком много суетишься, — вкрадчиво прошептал он, наклонившись к моему уху. — Тебе не нужно зеркало. Ты больше не должна смотреть на мир, который тебя предал. Смотри на меня. Или не смотри вовсе. Твои глаза теперь — это я.

Я попыталась шагнуть в сторону, но он притянул меня к себе. Моя спина уперлась в его грудь, твердую и неподвижную, как гранитная скала. Я чувствовала каждый его вдох. Он был моим хозяином, моим единственным миром, моим палачом и единственным, что у меня осталось.

— Посмотри, что я приготовил для тебя, — он взял мою руку и положил на край ванной. Там лежала новая повязка. Мягкая, шелковистая, предназначенная для того, чтобы навсегда скрыть от меня те жалкие тени, в которых я еще пыталась уцепиться.

— Нет, — прошептала я, но мои слова потонули в рокоте прибой, который теперь звучал как погребальный колокол.

— Пожалуйста.

— Тише, — ответил он, проводя ладонью по моим волосам. — Скоро ты забудешь, что такое свет. Ты забудешь, что такое страх. Останусь только я. И эта бесконечная, уютная темнота, которую я для тебя создал. Его руки — сухие, горячие и пугающе сильные — подхватили меня, как сломанную куклу. Я обмякла, чувствуя, как его дыхание обжигает кожу шеи. Он нес меня в спальню, и с каждым его шагом пол в доме, казалось, проседал под тяжестью нашей невольной близости. Он шептал прямо в ушную раковину: «Ты больше не принадлежишь миру теней, Клэр. Ты принадлежишь только моим рукам. Я перекрою каждый твой вдох, я стану воздухом, которым ты дышишь, пока ты не начнешь молить меня о том, чтобы я никогда не разжимал объятий». Он бережно опустил меня на шелковые простыни, словно я была хрупким артефактом, требующим особой заботы. Его пальцы медленно, почти ритуально, коснулись пуговиц на моей одежде. С каждым движением он освобождал меня от ткани, открывая мою кожу холодному воздуху спальни. Я лежала, застыв в ледяном оцепенении: внутри меня образовалась вакуумная пустота, куда не доходил ни страх, ни боль — только чудовищное осознание того, что я больше не хозяйка даже собственной наготы.

Он начал покрывать мое тело поцелуями. Сантиметр за сантиметром. Я зачем то закрыла глаза, сфокусировавшись на ощущениях. Его руки грубые руки сжали мои соски и я

невольно вздохнула. Сайлас замер.

— Давай попробуем еще раз, моя Клэр?

Я не сопротивлялась, когда он начал завязывать повязку на моих глазах. Ткань легла на кожу, отсекая последнее подобие реальности. Я была стерта. Я была ничем. Только его воля, только его дыхание и бесконечный, давящий шум прибоя, который теперь звучал внутри моей головы.

Глава 7

Двое суток. Сорок восемь часов тишины. Я считала их по ударам собственного сердца, отсчитывала по мерным каплям конденсата, стекающего по оконному стеклу. Дом перестал дышать чужим присутствием. Я осторожно исследовала углы, касалась поверхностей — они стали привычными, почти родными в своей неподвижности. Сайлас исчез? Или он затаился, растворившись в соленом воздухе Блэквуд-Бей?

Внутри меня теплилась слабая, почти призрачная надежда. Может, это был просто кошмар, дурной морок, рожденный моим сломленным рассудком? Я почти поверила в это. Я даже позволила себе сесть в кресло у окна, подставив лицо холодному свету, пробивающемуся сквозь плотную ткань занавесок.

Вдруг мир взорвался.

Резкий, хлесткий стук в дверь заставил меня подпрыгнуть. Сердце ударило в ребра с такой силой, что в глазах вспыхнули искры. Еще раз. Громче. Мой дом, до этого уютно-молчаливый, внезапно превратился в ловушку. Я застыла, вжавшись в спинку кресла. Пальцы судорожно вцепились в обивку.

— Доставка для мисс Эшкрофт! — голос за дверью был тонким, молодым, совершенно чуждым этому месту.

Я медленно поднялась. Ноги казались ватными. Каждым

движением я пыталась прощупать пространство, боясь наткнуться на то, что Сайлас мог оставить после себя. Ступени коридора скрипели под моими босыми ногами, словно жалуюсь на мой вес.

Я дотянулась до замка. Щелчок металла показался оглушительным. Дверь приоткрылась, впуская в дом ледяной порыв морского ветра.

— Здравствуйте! Вам посылка, — голос курьера прозвучал бодро, почти неуместно.

Я почувствовала, как мне в руки всунули что-то тяжелое, объемное. Букет. В ноздри ударил резкий, приторно-сладкий аромат. Слишком густой. Он казался тяжелым, маслянистым, словно кто-то вылил на цветы духи, чтобы скрыть запах гнили.

— Спасибо, — мой голос прозвучал как сухой треск.

— Какой галантный поклонник, правда? — девушка рассмееялась, и этот звук больно ударил по моим нервам. — Я таких букетов в Блэквуд-Бей еще не видела. Настоящий шик.

Я замерла.

— Поклонник? — переспросила я, чувствуя, как внутри разрастается ледяная пустота. — О ком вы говорите?

Пауза затянулась. Девушка смутилась. Я слышала, как она переступила с ноги на ногу, как шуршала её одежда.

— Ой... простите, — пробормотала она уже тише. — Я не знала... Вы ведь не видите, верно? Это черные гортензии. Очень красивые, но... в общем, странный выбор. Всего доб-

рого.

Она быстро застучала каблуками по крыльцу. Я захлопнула дверь, прислонившись к ней спиной. В руках я сжимала букет. Холодные, влажные лепестки гортензий щекотали мои ладони, напоминая осклизлые щупальца.

Черные цветы.

Я побрела на кухню, волоча ноги по полу. Каждый шаг давался с трудом. Я чувствовала: он здесь. Он никогда не уходил. Он наблюдал за мной, стоя в густых тенях коридора, наслаждаясь моим замешательством.

Поставив букет на стол, я коснулась подарочной коробки, спрятанной под цветами. Она была плотно запечатана. Я не хотела знать, что внутри. Но я знала: это часть игры. Его игра, в которой я — лишь кукла, ожидающая следующего хода. Мое одиночество было иллюзией. Сайлас не ушел. Он просто стал тише. И это пугало гораздо больше, чем его открытое присутствие. В Блэквуд-Бей осень никогда не заканчивалась, а мой кошмар только начинал свою следующую главу.

Глава 8

В доме стояла тишина, плотная, как вода в Блэквуд-Бей. Я знала, что коробка ждет меня на кухонном столе. Вчера я слышала, как он поставил её на дерево — глухой стук, от которого внутри меня всё сжалось. Пальцы дрожали, когда я коснулась холодного картона. Лента была скользкой. Я потянула.

Внутри лежало что-то тяжёлое, завернутое в грубую ткань. Я запустила руку внутрь, ожидая найти всё что угодно, только не это. Холодная, влажная кожа. Тяжесть, лишенная жизни. Я провела пальцами выше. Скула. Нос. И вдруг — острый укол металла. Маленькое кольцо в нижней губе. Я узнала бы этот пирсинг из тысячи. Джулиан. Это был Джулиан.

Крик застрял в горле, превратившись в сухой спазм. Меня вырвало прямо на пол, желудок скрутило узлом, а желчь обожгла гортань. Мир качнулся. Я не могла дышать. Где телефон? Господи, телефон.

Руки скользили по столешнице, сбивая солонку, чашку, разбивая тишину звоном керамики. Нашупала трубку стационарного аппарата. Пальцы сбивались, набирая номер полиции. Один. Пять. Ноль. Пожалуйста. Пожалуйста, ответьте.

— Блэквуд-Бей, дежурный слушает, — голос был чужим, отстраненным.

— Помогите... он здесь... голова... голова Джулиана... — мой шепот был почти неразборчив.

— Простите? Кто это? Клэр? Клэр, успокойтесь. Мы получили сообщение о трагедии. Детектив Миллер... сегодня утром его машина слетела с обрыва. Его больше нет. Ваше дело будет передано другому сотруднику.

Трубка выпала из рук, глухо ударившись о ковер. Детектив погиб и тот, кто превратил мою жизнь в осколки, оставив меня слепнуть в вечной тьме, теперь превратился в мокрое пятно. Изоляция схлопнулась, превратив дом в склеп.

Запах. Удушливый, сладковато-гнилостный аромат черных гортензий заполнил комнату. Он был повсюду. Гортензии, которые принесла мне вчера девушка-курьер, теперь начали гнить в вазе, отравляя воздух. Я попыталась встать, чтобы выкинуть их, но пол уходил из-под ног.

— Нет, не надо, — я шарила руками по стенам, но они казались такими далекими.

Головокружение ударило в затылок. Я врезалась в косяк, потирая ушибленное плечо. Стены смыкались. Дом сжимался, выдавливая воздух из моих легких. Я замерла, вцепившись в дверной проем, чувствуя, как холодное оцепенение парализует каждую мышцу.

Скрип. Дверь спальни медленно отворилась. Я не видела его, но чувствовала, как меняется давление воздуха.

— Ты всё поняла? — его голос был тихим, вкрадчивым, как шум прибора за окном. — Мертвые не возвращаются.

Миллер не поможет. Теперь ты полностью моя.

Он подошел совсем близко. Я чувствовала тепло его тела, запах табака и сырого моря. Он коснулся моих волос, медленно пропуская их сквозь пальцы. В этом жесте не было нежности — только владение.

— Не трогай меня, — прошептала я, но голос мой был тише вдоха.

Он развернул меня к себе, прижимая к стене. Его хватка была железной. Когда он начал раздевать меня, я попыталась дернуться, но он прижал мою руку к стене, вдавливая предплечье в дерево.

— Тише, Клэр. Ты устала бороться. Твои попытки сбежать только делают тебе больно.

Его шепот обжигал кожу на шее. Я не сопротивлялась больше. Не могла. Внутри меня не осталось ничего, кроме серой, вязкой пустоты. Я не плакала. Я просто смотрела в темноту, которая стала моей единственной реальностью.

Он вошел в меня грубо, методично, превращая мою жизнь в бесконечный ритуал подавления. Я чувствовала каждый толчок, каждое движение, осознавая, что это тело больше мне не принадлежит. Оно было его трофеем, его собственностью, его способом доказать, что любовь — это только контроль. Он вколачивался в мое тело жестко, а стена коридора царапала щеку.

— Я вижу, дорогая моя, тебе скучно, — его движения стали плавными, тягучими. — Мы разнообразим нашу любовь

ВОТ ЭТИМ...

Я почувствовала, как он достаёт что-то из своего кармана.
— Потрогай, Клэр, тебе понравится.

Я машинально потянулась к предмету и резко одернула руку. Фаллос. Это был чертов фаллос. Услышала низкий, бархатный смех Сайласа и сказала:

— Засунь его себе в жопу!

— Мне? Я и так получаю удовольствие, моя милая Клэр. Это подарочек как раз для тебя.

Я пришла в ужас от осознания и начала умолять не совершать задуманное, но Сайлас лишь впился в мои губы и приподнял меня всё так же насаживая на свой член. Он сел на диван в гостиной, крепко удерживая мою талию одной рукой. Другой рукой, в которой находилась "игрушка", он надавил на мою спину, чтобы я легла на его грудь и лишь шепотом спросил:

— Ты предпочитаешь на всю длину?

— Чтоб ты сдох!

Он засунул фаллос в моё анальное отверстие и резко вышел членом из вагины. Я закричала, била его, царапалась, пыталась встать, но его рука была будто из стали, а я совсем без сил. Боль была ужасной. Он трахал меня грубо, одновременно вколачивал "игрушку". Я почти скулила. Резко развернув меня, Сайлас выкинул "игрушку" и сам вошел в мой зад. Боль, адская боль. Ненавижу этого ублюдка! Он насиловал меня до тех пор, пока не кончил. Всё моё тело онемело

от боли и ужаса. Я почувствовала, как тягучая, вязкая жидкость вытекает из моей дырочки.

Воздух становился всё тяжелее. Сознание начало гаснуть, утягивая меня в бездну, где больше не было боли, не было памяти о Марке и не было страха перед туманом.

Я просто перестала чувствовать.

Темнота приняла меня, и я, наконец, закрыла глаза, погружаясь в окончательное, спасительное небытие.

Глава 9

Еще три дня тишины. Она такая густая, что её можно резать ножом, но она не пустая. В каждом углу, в каждой ворсинке ковра прячется этот липкий, душный ужас. Я лежу неподвижно, боясь даже выдохнуть громче обычного. Мои глаза — два бесполезных мутных пятна, которые видят только обрывки теней, пляшущих в углах от едва живого света ночника. В темноте нет границ. Только пространство, сжимающееся вокруг меня.

Скрип. Снова половица у окна. Или мне это только кажется? Сердце бьется где-то в горле, тяжелым глухим молотом. Я прислушиваюсь, затаив дыхание. Блэквуд-Бей сегодня молчит, даже прибой почти не слышен — город забился в щели, как испуганный зверь. В этом молчании я осталась одна. И это самое страшное.

Что, если он не придет? Что, если он решил, что я больше не стою его усилий? Эта мысль прошивает меня насквозь, как ледяная игла. Если он не появится, я останусь в этом склепе навечно. Одна. В тишине, где даже шорох собственных волос кажется криком.

Я проваливаюсь в неглубокий, рваный сон. Меня дергает от каждого звука — хлопок двери, скрип ставней. Вскрываю, сжимая простыни до белых костяшек. Пусто. Только запах гниющих гортензий, который никак не выветрится, и

привкус сырости во рту.

Вдруг холод меняется. Воздух становится тяжелым, плотным. Я замираю.

Кто-то есть в комнате. Он не дышит шумно, он просто присутствует, наполняя пространство собой. Чувствую едва уловимое движение воздуха над кроватью. Кто-то склонился надо мной.

Его рука, сухая и тяжелая, касается края одеяла. Он медленно, почти бережно натягивает его выше, закрывая мои плечи от сквозняка. Каждое движение выверено до миллиметра. В этом жесте — нежность палача, который не хочет, чтобы его кукла замерзла прежде времени.

Запах. Табак, перемешанный с резкой горечью морской соли. Этот запах стал моим миром. Я вдыхаю его, и внутри что-то предательски теплеет. Это извращенное, болезненное чувство — знать, что кто-то следит за тем, чтобы мне было «удобно». Это единственное тепло, которое я знаю теперь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.